

НИКИТА ВАДИМОВИЧ ТИХОМИРОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения факультета архивоведения и документоведения Историко-архивного института
Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-2808-3763; tihomirov_n@rambler.ru

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАРЕЛОВ НОВГОРОДЧИНЫ В НАБЛЮДЕНИЯХ СТУДЕНТА-КОММУНИСТА (по материалам дневника деревенской практики 1928 года)

А н н о т а ц и я . Статья посвящена малоизученной проблематике истории новгородских карелов. В научный оборот вводится ранее не использованный в исследовательской практике документ, освещающий обыденную жизнь карельского населения Новгородского округа Ленинградской области в конце 1920-х годов. Публикуется дневник деревенской практики студента Ленинградского отделения Коммунистического университета национальных меньшинств Запада, ставший результатом наблюдений, которые молодой коммунист проводил в населенных пунктах, расположенных близ озера Вельё (на территории современного Демянского района Новгородской области). Актуальность работы обусловлена насущной необходимостью расширения источниковой базы исследований о повседневной жизни народов России в ранний советский период, и в частности новгородских карелов. Документ содержит сведения о быте, социальных отношениях, культурных и религиозных устоях, умонастроениях, исторической памяти и степени вовлеченности населения в мероприятия социалистической перестройки деревни. В тексте запечатлелись особенности мировосприятия его автора – представителя молодого поколения российских коммунистов послереволюционного периода. Публикуемый дневник дополняет этнографические, статистические, делопроизводственные и прочие материалы, привлекаемые для изучения различных сторон жизни карельского населения северо-запада России в первое десятилетие становления советской власти.

К л ю ч е в ы е с л о в а : история повседневности, карелы, коммунистический университет, крестьянство, микроистория

Д л я ц и т и р о в а н и я : Тихомиров Н. В. Повседневность карелов Новгородчины в наблюдениях студента-коммуниста (по материалам дневника деревенской практики 1928 года) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 4. С. 43–48. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1041

ВВЕДЕНИЕ

Общественные процессы в России в начальный период социалистического строительства вызывают устойчивый интерес у историков. При этом остается немало слабо разработанных тем и нерешенных вопросов. Существующие лакуны в научных представлениях связаны с недостаточной исследованностью проблематики повседневной жизни населения в отдельных регионах страны. Это, в частности, касается северо-западного региона РСФСР в 1920–1930-х годах и его деревенских обитателей.

Советским органам был мало известен социально-культурный облик жителей сельской провинции, в особенности поселений, слабо связанных с районными центрами и плохо охваченных государственным надзором. Всесоюзная

перепись населения 1926 года дала большевистскому руководству лишь общие данные по ряду демографических показателей. В то же время успешная советизация общества требовала дополнительных сведений, которые отражали бы умонастроения людей, их отношение к мероприятиям и политике советской власти, степень приверженности прежним убеждениям и т. д.

Большевики, плохо знавшие культуру, язык и образ жизни малых народов СССР [10: 105], стремились решить эту проблему усилением этнографической работы. Одним из объектов исследования стали карелы. К настоящему времени создана обширная литература по истории и культуре карельского населения ряда регионов страны [3], [5], [6]. В то же время некоторые этнотерриториальные группы карелов изучены

слабо, в их числе так называемые новгородские карелы [1: 238].

* * *

В число организаций, способствовавших развертыванию советского модернизационного проекта в Новгородском регионе, входило Ленинградское отделение Коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. Ю. Ю. Мархлевского (ЛО КУНМЗ). Как и прочие коммунистические университеты, вуз готовил кадры для партийной и советской работы. Специфику его деятельности составляла ориентация на представителей финской и эстонской национальностей. Частью образовательного процесса была партийно-производственная практика, которую студенты проходили в деревне, выступая помощниками райкомов и сельсоветов в деле социалистических преобразований. Молодые коммунисты использовались преимущественно для обслуживания «нацменьшинских» поселений.

Итоги своей работы они отражали в отчетах и дневниках, которые вели для предварительного закрепления полученных впечатлений. Отчетных документов, сообщающих о пребывании ленинградцев среди карелов Новгородчины, сохранилось мало, информация о будничной жизни населения представлена в них весьма скупо. В этой связи примечателен дневник студента Фомы Семеновича Хайконена, который проходил практику летом 1928 года в деревнях Полновского и Лычковского районов Новгородского округа Ленинградской области. Документ отложился в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в составе фонда Коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. Ю. Ю. Мархлевского.

Записи сделаны от руки в ученической тетради. Почти отсутствует указание дат, что можно объяснить созданием текста постфактум, когда исследовательская работа была завершена и нужно было подготовить материалы для последующего составления отчета. На это указывает и заметное различие в объеме записей, в одних случаях занимающих несколько строк, а в других – несколько абзацев. Анализ композиции документа наводит на мысль, что автор не столько писал дневник, сколько пытался обобщить впечатления и сформулировать соответствующие выводы.

Хайконен с однокурсником был послан университетом в Новгородский окружной комитет ВКП(б), откуда их отправили обслуживать населенные пункты, сосредоточенные вокруг озера Вельё.

Исторически в пределах Новгородской губернии (в 1927 году включена в состав Ленинградской области) сложились четыре относительно обособленные этнографические группы карелов: тихвинские, крестецкие, боровичские, валдайские. Именно последние, компактно проживавшие в указанной выше местности, стали объектом наблюдения практиканта.

Статистический справочник по Новгородскому округу 1930 года в числе «главнейших народностей» Полновского и Лычковского районов не выделял карелов как особую категорию, отнеся их в разряд «прочих», насчитывавший 462 и 29 человек соответственно¹. Однако, несмотря на сравнительную малочисленность относительно всех карелов Новгородчины, данная категория населения привлекала внимание советских руководителей, стремившихся обеспечить принцип национального самоопределения в рамках осуществляемой культурной революции. Одним из ключевых направлений новой национальной политики явилась коренизация [4: 23] и как частное ее проявление – карелизация / финизация [7], активно проводимая на севере и северо-западе РСФСР.

По замечанию А. А. Бландова, в XX веке субэтническая группа валдайских карелов «осталась практически неизученной» в этнографическом отношении [2: 79] (в отличие, например, от тихвинской группы [8], [9]).

В этой связи обсуждаемый дневник интересен как исторический источник, включение которого в научный оборот позволяет расширить представления о жизни новгородских карелов 1920-х годов. Записи отличает подробность в отображении ряда бытовых и мировоззренческих особенностей, характеризующих повседневность указанных деревень. С языковой точки зрения документ раскрывает своеобразие мировосприятия и образа мысли молодых партработников раннего советского периода.

Автор вел наблюдения не произвольно, а направляя свое внимание сообразно установкам, полученным в университете и райкоме партии. Это сказалось на структуре и содержании дневника. В первую очередь практиканта интересовало отношение обывателей к советской власти, ее учреждениям и мероприятиям. Помимо личных наблюдений, студент получал разнообразную информацию от местных жителей, рассказывавших о настоящем и прошлом данной местности.

Особо занимала автора тема национальной эмансипации карельского меньшинства, в частности языковой вопрос. По наблюдениям исследователей, валдайские карелы в первой трети

XX века заметно обрусели, в большинстве перейдя к использованию русского языка². Судя по записям Хайконена, ему довелось общаться с карелами, не до конца ассимилированными и в какой-то мере принимавшими еще карельскую идентичность. Весьма вероятно, что практикант преувеличивал стремление крестьян «считать себя нацменами» – статистических данных на сей счет в дневнике не содержится. Однако заключить о существовании самой тенденции такие свидетельства позволяют.

ВЫВОДЫ

Анализ публикуемого дневника позволяет составить представление о некоторых сторонах жизни валдайских карелов накануне «великого перелома», в корне поменявшего подход большевистского руководства к осуществлению социалистической перестройки села. Студенческие материалы свидетельствуют об успехах и проблемах советизации новгородской глубинки. Они показывают карельскую деревню в переходном состоянии, которому свойственны признаки поступательной ассимиляции с русским населением и в то же время – сохранение крестьянами карельской идентичности и навыков речевого общения на местном диалекте карельского языка. Невзирая на лаконичность, приведенные записи, безусловно, являются ценным источником для изучения новгородских карелов, а именно представителей валдайской субэтнической группы, сосредоточенных в первой половине XX века вокруг озера Вельё.

Документ рисует картину традиционного общества, слабо затронутого культурной революцией. Воспоминания крестьян, собранные и обобщенные практикантом, отразили историческую память населения, восприятие им двух эпох – дореволюционной и советской на раннем ее этапе. При общем благожелательном расположении к советской власти, жители региона остались невосприимчивы к ряду нововведений, что во многом было обусловлено слабой материальной базой развертывания социально-культурных преобразований. Реалии новой жизни проникали в картину мира сельских обывателей, но подчас в искаженном виде, на что указывает, к примеру, своеобразная трактовка крестьянами целей колхозного строительства.

В некоторой степени дневник раскрывает и облик своего создателя – студента партийного вуза конца 1920-х годов. Записи отразили дискурсивные практики, характеризующие образ мысли молодых коммунистов, чье миропонимание складывалось под определяющим воздействием постулатов идеологического воспитания.

При подготовке настоящей публикации сохранена стилистика и некоторые грамматические оплошности оригинала, не влияющие на понимание написанного, с целью передачи духа документа, созданного человеком определенного уровня культуры и образованности. Сокращения, где это необходимо, раскрыты в квадратных скобках.

ТЕКСТ

«Дневник Хайконен Ф. С., составленный во время практической работы по исследованию карельских деревень в Новгородском округе летом 1928 г.

6/VI

В Новгородском окружке нам были указаны Новгородские деревни, расположенные в Новгор[одском] округе, а также дан маршрут следования и соответствующие наставления. Указания давали: уполн[омоченный] Новг[ородского] Окружисполкома по работе среди нацмена т. Кродер и зав. нацмен п[олит]о[тдела] окружкома.

8/VI

Прибыли в дер. Исаково³ Полновского района, где наняли кварт[иру]. Карельские деревни расположены от районного центра – Полноваза 20–30 килом. Район работы: д[еревни] Исаково, Пестово, Залужье, Балусево, Климово, Дупленец и Вельё Полновского р[айона], Лобаново – Лычковского района.

.../VI⁴

Крес[тьяне] предполагают, что колонизация карелов произошла во время Новгородского княжества, когда была оживленная торговля Новгородом с жителями берегов Ладожского озера, связывающая Новгородцев с жителями-карелами берегов Ладожского озера рекой Волхов.

.../VI

Крестьяне говорят, что 30 лет тому назад карельские деревни жили своей собственной жизнью: ни один карел, как молодой, так и старый, не умел говорить по-русски; в случае если попал в деревню русский, то приходилось разьясниться знаками. В настоящее время каждый, за исключением стариков и старух 70–80 лет, умеет по-русски. Молодежь говорит большей части времени по-русски, но, несмотря на это, каждый молодой парень и девочка знают карельский язык, хотя даже и мать русская. Замечается интересное явление: когда соберется группа домохозяйств соседи, хотя бы даже покурить, то после пары-трех слов, сказанных по-русски, разговор переводится на свой, карельский, язык, что подтверждает желание карельского населения сохранить за собой свой карельск. родной язык.

.../VI

Благодаря развитию промышленного капитала, начиная в конце XIX в., что вызвал поток людей в города, а также в силу политики царской власти о русификации нацменьшинств, начинается перелом и в карельских деревнях: карелы женятся на русских, население идет на заработки в города, и особенно заметный толчок к русификации карелов-молодежи дала мировая война.

В настоящее время у населения-карелов имеется глубокое желание вернуть себе отнятый язык⁵, в силу чего имеются просьбы о присылке учителей, владеющих русским и финским языком.

Школы в карельских деревнях в большинстве случаев существуют только 2–3 года. Учителей-карел не имеется, за исключением одной учительницы (Климовская шк[ола]), которая в смысле педагогической подготовленности еще слабоватая. В школах имеются 2 учебника по 25 экз. на школу на финском языке «Lastenystävä»⁶ и «Nuori Rakentaja»⁷, которые не могут быть использованы за незнанием педагогами финского языка.

Особенную заботу о нацменьшинствах-карелах проявляют в округе, но в районном центре этого не чувствуется. Что подтверждается и в том факте, что население карельских деревень имеет желание объединиться в один сельсовет, но район предусматривает слияние карельских деревень с русскими.

Особ[енно] гнет нацменьшинств чувствовалось 1905–1909 – мужиков пороли за малейшееслушание. В случае поимки крестьянина с удочкой (деревни расположены поблизости озера б[ывшего] помещика), то пороли розгами до потери сознания. О этих жестокостях даже была просьба к царю, который сжалился и воспретил порку.

Школьные здания, заарендованные, не приспособлены к школьной работе, ощущается недостаток в партах и в учебных пособиях. Имеется много детей, не охваченных школой. Двум деревням обещаны под школы здания 2 дома б[ывших] помещиков, которые необходимо перевезти и поставить. Вопрос об этих домах пока окончательно не решен – дело тормозится РИКом⁸.

.../VI

На открытом общем парт. собрании ячейки замечалось, что расслоение обнаруживается и на собраниях, также это выявлялось и на общих собраниях граждан: беднота, маломощные с частью середняков смело, упорно выступая против зажиточных и примазавшихся к ним середняков. Чувствуется, что на собраниях господствующее положение занимает мнение в пользу проводимых мероприятий сов. властью в деревне. Беднота с удовольствием слушая доклад о колхозах, о займе укрепления с[ельского] х[озяйства], а также активно выступает с поддержкой тех, мнения которых направлены к поддержке и осуществлению мероприятий сов. власти. Зажиточная часть деревни также выступает за, но к тому же прибавляет мнение, что это неосуществимо; например, о колхозах зажиточный высказывается, что «это хорошо, но тут ничего не выйдет, если мы не организуем сразу же фабрики-деревни, т. е. мы должны стать с[ельско]х[озяйственными] рабочими, и чтобы нам только платили зарплату»⁹. Этот тонкий подход, конечно, бьет на то, чтобы выбить с голов маломощных крестьян охоту к осуществлению в деревне первичных форм коллективного труда – колхозов путем отпугивания, что в случае, если они войдут в колхоз, то превратятся в наемных батраков и тем лишатся своих хозяйств¹⁰.

Вера среди карелов укоренилась глубоко, начиная от дитя и до старых людей – на всех чувствуется отпечаток особой религиозности. Для примера можно указать,

что у крестьянина-середняка, где расквартировали, вся задняя стена и «божеств[енный]» уголок развешены 53-мя картин святых угодников, в том числе 23 иконы и иконочек в стеклах. Во второй избе 3 больших иконы. По воскресеньям и праздничным дням население, не исключая и молодежи, почти поголовно валится в церковь. В каждой деревне имеется часовня.

Сильная религиозность карелов может быть объяснена тем, что все время до Октябрьск[ой] революции нацменьшинства были более притесняемы: насилием проводилась русификация, отделяли карелов от обществ[енной] жизни, культурных работников-учителей из их среды не воспитывали, школ не открывали. Необходимо [зачеркнуто: отметить, что] существовали в некоторых местах церковно-приходские школы, где получали грамотность сынки деревенских кулаков – «почетных мужиков», кои, конечно, с [то...]»¹¹ предусмотрительностью Самодержавия предназначались «воротилами» [зачеркнуто: в деревне] и в действительности имели в руках узды управления в деревне.

Теперь население с воодушевлением слушает [зачеркнуто: рассказ] объяснения о национальной политике Сов. власти, высказывая недовольство РИКом, который воспрепятствует в выдаче б[ывших] помещичьих домов под школы. С удовлетворением карельское население отзывается о уполномоченном Округисполкома по делам нацменьшинств тов. Кродер, заботами которого с великим трудом удалось закрепить 2 деревням под школы два помещичьих дома. Пожилые кр[естьян]е в 35–40 лет также говорят, что в случае, если удастся поставить учебу в школе на двух языках, и русском, и финском яз., то они также будут обучаться финскому языку.

В районе, где мы находились, имеется ячейка ВКП(б) – часть членов ячейки очень развитые, которые способны руководить и проводить политику партии и Сов. власти, но у них нет стремления, и не считают нужным проводить работу среди карелов как среди нацменьшинств, т. е. боятся, что в случае, если развернется работа под углом нацменьшинств, то карельские деревни будут иметь больше привилегий, чем русские, в виду чего воспрепятствуют желанию населения карельских деревень объединиться в один районный сельсовет.

Из бесед с населением-карелами выясняется, что они хотя и считают себя нацменами, они желают и будут добиваться осуществления преподавания детям в школах финского языка. Против этих стремлений настроено русское население, видя в этих настроениях якобы какую-то корыстную цель и охоту в привилегиях. Это мнение также высказал член местной ячейки партии – завхоз гос. рыбободным заводом¹². Диалект [зачеркнуто: язык] здешних карел похож на язык олонечских карел (определение Потапова¹³).

[подпись: Хайконен]

10/VII 28».

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 181. Л. 141–147 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статистический справочник по Новгородскому округу за 1928, 1929 и 1930 гг. с кратким описанием районов. Новгород: Окрплан, 1930. С. 111–112.

² Лебедев К. Город Валдай и его уезд. Опыт родниоведения. Холм: Н. Н. Павлов, 1913. С. 15; Труды Комиссии по диалектологии русского языка (б. Московской диалектологической комиссии). Вып. 12. Л.: АН СССР, 1931. С. 55.

- ³ Обращает на себя внимание умолчание автором о событиях 7 июля. Вероятно, эти сутки ушли на ожидание транспорта к месту начала практики, которым была определена деревня Исаково, где располагался один из обслуживаемых им сельсоветов.
- ⁴ В оригинале число не указано. Здесь и далее такие пропуски в датах даны отточием.
- ⁵ В мышлении студента-коммуниста определенно сказывается образовательная установка 1920-х – начала 1930-х годов, согласно которой политика Российского государства по отношению к малым народам трактовалась как исключительно колониально-угнетательская.
- ⁶ «Друг детей» (фин.).
- ⁷ Вероятно, имеется в виду книга чтения для 1-х и 2-х классов на финском языке «Юный строитель» 1926 года за авторством Urho Tuurala.
- ⁸ Районный исполнительный комитет ВКП(б).
- ⁹ В этом, вероятно, выразилось близкое знакомство с городской средой и распространенное среди крестьян представление о рабочих как о людях, легко, в сравнении с ними, получающих деньги.
- ¹⁰ Неясно, насколько правильно практикант понимал настроения крестьян и толковал их высказывания. Бесспорно, его мышление и оценки были во многом обусловлены партийно-идеологическим воспитанием, что могло давать известные искажения в отражении действительности.
- ¹¹ Слово написано неразборчиво, читается: «тонкой».
- ¹² Завод, основанный в 1855 году помещиком В. П. Врасским (1829–1963) в с. Никольском на западном берегу оз. Вельё.
- ¹³ Степан Иванович Потапов, однокурсник Хайконена, вместе с ним проходивший практику в указанной местности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бландов А. А. Малоизвестные группы карел за пределами Карелии: история ассимиляции и современное состояние // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2020. № 5. С. 238–245. DOI: 10.15393/j103.art.2020.1621
2. Бландов А. А. «Нас все корелякам звали, а мы карельского языка не знаем»: субэтническая группа валдайских карел в XX и начале XXI в. // Финно-угорский мир. 2014. № 4. С. 78–83.
3. Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск: Барс, 1998. 321 с.
4. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.
5. Народ, разделенный границей: карелы в истории России и Финляндии в 1809–2009 гг.: эволюция национального самосознания, религии и языка: Сб. науч. ст. Петрозаводск: ПетрГУ; Joensuu: Itä-Suomenyliopisto, 2011. 250 с.
6. Народы Карелии: Историко-этнографические очерки / Отв. ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск: Периодика, 2019. 752 с.
7. Попов А. А., Куаппала П. Новая советская национально-языковая политика в Карелии и Коми в условиях НЭПа: карелизация/финизация и зырянизация // Социокультурная динамика российской северной провинции: история и современность (на материалах Республики Коми): Сб. статей. Сыктывкар, 2016. С. 113–122.
8. Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л.: Наука, 1977. 287 с.
9. Фишман О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М.: Индрик, 2003. 407 с.
10. Хирш Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 472 с.

Поступила в редакцию 06.04.2024; принята к публикации 29.04.2024

Original article

Nikita V. Tikhomirov, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-2808-3763; tikhomirov_n@rambler.ru

**THE DAILY LIFE OF THE KARELIANS IN THE NOVGOROD REGION
 THROUGH THE EYES OF A COMMUNIST STUDENT
 (a study of 1928 village practice diary)**

Abstract. This research article delves into the lesser-explored history of the Novgorod Karelians. It introduces a previously untapped document, shedding light on the daily lives of the Karelian population in the Novgorod District of the Leningrad Region in the late 1920s. A village practice diary of a student from the Leningrad Branch of the Com-

munist University of National Minorities of the West is unveiled, documenting observations made in settlements near Lake Velyo (the territory of the present-day Demyansk District of the Novgorod Region). The significance of this study lies in the necessity of broadening the sources for understanding the daily lives of the Russian peoples in the early Soviet era, specifically the Novgorod Karelians. The document provides insights into everyday life, social relations, cultural and religious traditions, attitudes, historical memory, and community involvement in the socialist transformation of villages. Additionally, it provides a glimpse into the worldview of the diary's author, a representative of the younger generation of Russian communists from the post-revolutionary era. The published diary's contents can complement existing ethnographic, statistical, clerical and other materials for a deeper comprehensive study of the Karelian population in northwestern Russia during the first decade of the establishment of Soviet power.

Key words: history of everyday life, Karelians, communist university, peasantry, microhistory

For citation: Tikhomirov, N. V. The daily life of the Karelians in the Novgorod Region through the eyes of a communist student (a study of 1928 village practice diary). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(4):43–48. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1041

REFERENCES

1. Blandov, A. A. Little-known groups of the Karelians outside the Karelian Republic. History of assimilation and current state. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2020;5:238–245. DOI: 10.15393/j103.art.2020.1621 (In Russ.)
2. Blandov, A. A. “We were called Korelyaks, and we do not know the Karelian language...”: subethnic group of the Valdai Karelians in the XX century and the beginning of the XXI century. *Finno-Ugric World*. 2014;4:78–83. (In Russ.)
3. Kirkinen, H., Nevalainen, P., Sihvo, H. The history of the Karelian people. Petrozavodsk, 1998. 321 p. (In Russ.)
4. Martin, T. The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Moscow, 2011. 855 p. (In Russ.)
5. A nation divided by a border: Karelians in the history of Russia and Finland in 1809–2009: the evolution of national identity, religion, and language. Petrozavodsk; Joensuu, 2011. 250 p. (In Russ.)
6. The peoples of Karelia: historical and ethnographic essays. (I. Yu. Vinokurova, Ed.). Petrozavodsk, 2019. 752 p. (In Russ.)
7. Попов, А. А., Куаппала, Р. New Soviet national language policy in Karelia and Komi under the New Economic Policy: Karelianization/Finnicization and Zyryanization. *Socio-cultural dynamics of the Russian northern province: history and modernity (a study of the Komi Republic)*. Syktyvkar, 2016. P. 113–122. (In Russ.)
8. Ryagoev, V. D. The Tikhvin dialect of the Karelian language. Leningrad, 1977. 287 p. (In Russ.)
9. Fishman, O. M. Life by faith: Old Believers among the Tikhvin Karelians. Moscow, 2003 407 p. (In Russ.)
10. Hirsch, F. Empire of nations. Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Moscow, 2022. 472 p. (In Russ.)

Received: 6 April 2024; accepted: 29 April 2024